или мещане) встречаются значительно реже, не говоря уже о духовных лицах. Таким образом, добродетель, проповедуемая в русских моралистических журналах, предстает скорее дворянской, чем общечеловеческой добродетелью, главными носителями порока являются такие дворянские фигуры, как жестокий помещик, нечестный судия, мот, петиметр-галломан и кокетка; неясное положение в этом отношении занимают лишь упоминавшиеся уже «подьячие».

Во всем этом отражаются стремления современных культуртрегеров создать в России специфически дворянскую культуру [33] русские дворяне, как и их западные собратья по сословию, должны были отличаться от других слоев общества не только юридическим положением, т. е. привилегиями, но и культурным хабитусом: в отличие от французского «honnête homme» и английского «gentleman» русский «честный человек» представляет собою личностный идеал узко-сословного характера. Однако в последние десятилетия XVIII в эта установка на дворянскую публику уже не совсем соответствовала реалиям возникающего книжного рынка· в предисловии к третьему изданию новиковского «Живописца» читаем, что своим продолжающимся успехом журнал обязан не только дворянской публике, но и «мещанам», «простосердечным людям», которым «по незнанию их чужестранных языков» он явно «попал на вкус».[34] Однако от этого фактического положения дел до сознательной ориентации русской журналистики на демократического читателя был еще длинный путь.

---

[33] Там же, ср также *Jones W G* Nıkolay Novıkov P 44, 53—54

[34] Русская проза XVIII века / Под ред А В Западова и Г П Макогоненко М , Л , 1950 Т 1 С 323—324